

YANITSKIY Oleg Nikolaevich, *Dr.Sci.(Philos.)*, Professor; Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218, oleg.yanitskiy@yandex.ru)

GLOBAL TRENDS AND NEW CHALLENGES (comments on the article of professor N.P. Gribin)

Abstract. *The article represents a set of comments on professor's N. Gribin article about analytical survey «Global trends: The paradoxes of progress» prepared by the US Intelligence Community. The author makes his comments and some considerations from the viewpoint of a problem-oriented and interdisciplinary approach, highlighting some acute trends and issues of globalization, which remains on the periphery of interests of the US authors of the above survey.*

Keywords: *crisis, critical state, globalization, interdisciplinary approach, media, networks, social movements, sociology of politics*

РАДИКОВ Иван Владимирович — доктор политических наук, профессор; заместитель декана по учебно-методической работе факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; ivirrad@gmail.com)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРАХ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Рассматривая страх как инструмент политического управления, автор выявляет особенности использования политического страха в политике давления Запада на Россию и утверждает, что эта эмоция стала наиболее интенсивно использоваться американским истеблишментом сразу после окончания Второй мировой войны, достигнув своего апогея во втором десятилетии XXI в. Делается вывод, что реальных причин страха Запада перед Россией нет, а оптимистические прогнозы об изменении мироустройства и постепенном исчезновении тренда западной русофобии, появившиеся с победой Д. Трампа, иллюзорны и необоснованны.*

Ключевые слова: *страх, политический страх, фобия, политика давления, русофобская политика*

Вся история человечества отмечена не только использованием страха в политике, она характеризуется также стремлением освободиться от него. Поразительно актуальными являются размышления русского политического философа Н.А. Бердяева о феномене страха. Он писал: «Страх лежит в основе жизни этого мира... Самые страшные люди — это люди, одержимые страхом. Страх действует разрушительно. ...он правит миром. Власть по природе своей пользуется страхом. Человеческое общество было построено на страхе. И потому оно было построено на лжи, ибо страх порождает ложь... Страх всегда закрывает истину.. связан не только с ложью, но и с жестокостью. <...> Не только массами управляют через страх, но и сами массы управляют через страх... Страх искажает сознание и мешает познавать истину» [Бердяев 1993: 286-287]. Приведенные высказывания философа обращают наше внимание на то, что страх как негативная эмоция является постоянным спутником человека, общества. В повседневной жизни он проявляется как инстинкт самосохранения от объективно существующих угроз. Значительная часть страхов порождается социумом. В высшей степени страх — это политическое чувство. Предметом данной статьи является выявление особенностей современного использования политического страха в политике давления Запада на Россию.

Теоретические основы:

страх как инструмент политического управления

Исходя из понимания страха как одной из сильнейших человеческих эмоций, появляющейся при возникновении угрозы жизни индивида, его идеалам, принципам и ценностям, подчеркнем, что это чувство может зародиться в условиях как действительно существующих, так и воображаемых, иллюзорных, ложных опасностей, но переживаемых как настоящие. От интенсивности этого социального чувства зависит качество жизни в обществе.

Страх — это универсальный феномен, присутствующий во всех сферах жизнедеятельности человека, в общественных процессах макроуровня. В отличие от Н.А. Бердяева, фокусировавшего внимание преимущественно на негативной роли страха, многие исследователи отмечают также и позитивную роль страха, состоящую в том, что он «предупреждает нас о реальной опасности, побуждает предпринять какое-то действие против нее, делает наш опыт необычайно интенсивным. Как никакая другая эмоция, он ускоряет наше восприятие, заставляя видеть и действовать по-новому, нестандартно, более избирательно, с обостренным осознанием нас самих и нашего окружения» [Робин 2007: 12]. И все же, хотя многие авторы, размышляющие на эту тему, признают некоторую «пользу» страха, их общей позицией является констатация ущербности поведения человека, обусловленного лишь этой эмоцией. В частности, Т.К. Касумов и Л.К. Гасанова пишут: «...несмотря на давнее происхождение и имеющиеся “заслуги”, отношение к страху совсем не доброе... Считается, что не умеренный безрассудством и смелостью, страх обрекает человека лишь на трусость. Именно в таком смысле он устойчиво осознается людьми. В страхе, отчужденном от высоких чувств и страстей, они видят, главным образом, способность порождать трусость и сковывать отчаянием возможности сопротивления злу» [Касумов, Гасанова 2014: 34]. Их вывод о том, что человек в состоянии страха перестает видеть собственные возможности, повторяет утверждения М. Хайдеггера, сделанные в трактате «Бытие и время», что страх «спутывает и заставляет “терять голову”» [Хайдеггер 2011: 141].

Рецензируя книгу П. Бушрона и К. Робина «Искусство страха», в которой авторы рассматривают использование страха в политике, К. Кикучи отмечает: «...страх служит оправданием для способа управления, политической программы, которая вырабатывается независимо от чувств граждан. Страх граждан может легко перерасти в их готовность подчиниться руководству». Приводя утверждения П. Бушрона «бояться значит быть готовым подчиниться», она делает правомерный вывод, что именно страх становится столь удобным инструментом в политике, которая требует слепого ей следования¹.

Среди множества разновидностей страха особое место занимает политический страх. Американский политолог К. Робин считал, что политический страх — это «переживание людьми возможности определенного ущерба их коллективному благополучию — боязнь терроризма, паника в результате роста преступности, тревога из-за упадка нравственности — или же запугивание людей властями либо отдельными группами» [Робин 2007: 10]. По его мнению, политический страх способен иметь далеко идущие последствия. Он может диктовать общественную политику, приводить новые группы к власти и не пускать другие, создавать и отменять законы [Робин 2007: 11]. Согласимся с таким подходом, но подчеркнем, что политический страх — это не просто страх граждан перед властью, политикой, перед опасными последствиями принимаемых ими решений, это такое состояние заторможенного политического мышления людей, которое

¹ Kikuchi C. Exercice de la peur: Usages politiques d'une émotion Patrick Boucheron, Corey Robin, Renaud Payre. Доступ: <http://www.slate.fr/story/112263/exercer-peur-politique> (проверено 21.01.2017).

не позволяет критически и самостоятельно осмыслить ту или иную ситуацию. Пребывание в условиях дефицита объективной информации с учетом факторов неопределенности способствует появлению панических тревожных расстройств, приступов выраженной тревоги перед возможным (гипотетическим или реальным) сужением политических свобод и прав. В современной политической жизни многих государств это состояние латентно, а иногда и открыто инспирируется теми представителями политической власти, которые любой ценой стремятся сохранить свое господство и влияние.

Несомненно также, что страх вообще и политический в частности может выполнять мобилизационную роль, быть источником политической жизнеспособности, коллективного обновления. Вспомним, что именно чувство страха перед возможной агрессией со стороны других людей, опасение за свою жизнь, жилище и имущество явилось одной из причин появления государства. Предвидением будущего зла, вынудившим людей к объединению в группы, назвал страх Т. Гоббс [Гоббс 1989: 287-288]. Страх породил известный императив: «хочешь мира – готовься к войне». Управленческий рецепт использования страха, сформулированный знаменитым флорентинцем Н. Макиавелли, лег в основание базовых принципов практически всех политических режимов: «лучше всего, когда бояться и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. ...люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно» [Жизнь... 1993: 289].

Достаточно распространенным является утверждение, что политический страх является имманентной чертой недемократических режимов, а демократические государства по определению избавлены от него: в них якобы чувство коллективного страха смещается на периферию политической жизни или вовсе уходит из нее, сохраняясь в сфере неполитического, в повседневной жизни. Однако декларативные заявления о том, что при демократии существует эффективный договор между всеми политическими силами, между потенциальными соперниками и противниками в борьбе за власть об отказе от насилия, сводя к минимуму чувство политического страха, на практике постоянно опровергаются. К тому же, последовательно снижая порог страха у своих граждан через его исключение из структурных компонентов внутренней политики, демократическая государственная власть часто делает объектом страха внешнего врага (противника). Предполагается, что таким образом обеспечивается единение страны. Но еще раз скажем, что государство, властвующая элита практически всегда испытывают имплицитный страх перед своим населением. В сущности, чувство страха власти перед народом – это и есть демократия. В противовес этому страх народа перед властью свидетельствует о недемократическом устройстве. При этом локальный страх управленческой и интеллектуальной элиты прежде всего перед лидером – за свою судьбу и карьеру – часто пытаются интерпретировать как всеобщий, относящийся ко всему населению.

Механизм использования страха для инициирования действий

Очевидно, что только одним страхом актуализировать позитивные действия невозможно. В логике исследований политических процессов принято опираться на теорию аффекта, исходящую из признания того, что эмоции могут организовывать или дезорганизовывать человеческую деятельность. Напомним, что страх относится к базовым эмоциям. Эта эмоция, как правило, связана с угрозой уни-

чтожения, с личной безопасностью. Одним из способов управления этой эмоцией становится владение объективной информацией.

Авторы сборника «Эффект аффекта: эмоциональная динамика в политическом мышлении и поведении» пишут: «...чтобы достичь политической цели, мало пугать абстрактной угрозой. Во-первых, ее нужно персонализировать — угроза должна ассоциироваться с конкретным человеком или политической силой. Во-вторых, запугивающая сторона должна быть способна показать, что надежда на решение проблемы связана лишь с ней. Из-за бинарного характера оппозиции страх/надежда в реальной политике не остается места на полутона: противник всегда демонизируется»¹.

Государство сначала вселяет в общество различные страхи, а затем выступает в роли единственной легитимной силы, способной его защитить. Особенностью XX в. стал процесс глобализации чувства страха, развивающийся под воздействием двух мировых войн, изобретения, применения и стремительного распространения оружия массового уничтожения. Распространению этого чувства способствует созданная благодаря информационному прогрессу индустрия страха.

Политический страх как генератор внешней политики США

Лауреат Нобелевской премии Дж. Стейнбек прозорливо отметил: «Развращает не власть. Развращает страх. Страх потери власти в том числе» [Стейнбек 2004: 17]. Именно поэтому среди не артикулируемых мотивов поведения политической элиты особое место занимает политический страх перед неизвестностью будущего и движением вперед. При этом речь идет не о будущем вообще, а том, которое развивается по сценарию, не запланированному властью.

Распространение страхов играло весьма существенную роль в американской политике всего XX в. Уже 1 июля 1924 г. государственный секретарь США Ч. Хьюз обвинил СССР во вмешательстве во внутренние дела США и в стремлении через американскую компартию уничтожить существующий политический строй в США. Наиболее интенсивно стал использоваться страх американским истеблишментом сразу после окончания Второй мировой войны, с вступлением двух сверхдержав в ожесточенное стратегическое соперничество за влияние в мире, достигнув своего апогея во втором десятилетии XXI в. Панический страх отстать и оказаться жертвой «внезапного советского (в настоящее время — российского) удара» стал характерной чертой общественного американского мнения. Во всех сегодняшних стратегических документах США Россия объявляется угрозой их существованию. Доктринально оформленная русофобия определяет фон принятия военных, политических и экономических решений западными государствами.

В ряду опасностей, порождающих чувство парализующего коллективного страха в США, наиболее часто в настоящее время также упоминаются терроризм, мигранты (беженцы), экстремисты, оружие массового уничтожения. О новом виде «страха по-американски» заявил в летнем номере журнала *The American Interest* 2016 г. в статье «На пути к глобальной перегруппировке» Зб. Бжезинский. Архитектор имперской политики США утверждает, что американское мировое господство заканчивается, и предвещает грозящую месть угнетаемых когда-то колониальных народов². Он прямо заявляет: «...насильственное политическое пробуждение постколониальных мусульман — это не в последнюю очередь отсроченная реакция на жестокие репрессии в прошлом, главным образом со стороны европейских держав. ...то, что происходит сегодня

¹ Bendyk E. Polityka strachu. — *Polityka*. 2014. 7 lutego. Доступ: [www/polityka.pl](http://www.polityka.pl) (проверено 04.01.2017).

² Brzezinski Zb. Strategic Vision. Toward a Global Realignment. — *The American Interest*. 17.04.2016. URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment> (accessed 24.01.2017).

на Ближнем Востоке, может быть только началом гораздо большего явления, которое в ближайшие годы может захватить также Африку, Азию и даже преколонизальные народы западного полушария»¹. Перспектива такого будущего не может не вызывать реакцию государства, стремящегося сохранить свое господствующее положение в мире.

Катализатором сегодняшней русофобской политики США становится глубокий системный кризис, в который вступило американское общество. Политическая и социально-экономическая система, созданная в 60-е гг. прошлого века, начала давать сбои. В 2015 г. о доверии конгрессу США заявили лишь 8% американцев². Идеино-теоретические различия между республиканцами и демократами по таким вопросам, как расходы на оборону, аборт, нелегальная иммиграция, программы поддержки «небелого» населения, усилились в период выборов президента США в 2016 г. Обострились противоречия между либеральными представлениями о свободах в сфере культуры, искусства и морали, политкорректности и позицией, защищающей традиционные религиозные и моральные нормы, отражающие американский образ жизни, патриотизм и веру в особую миссию США.

Признаки нарастающего противоречия между узким, закрытым кругом правящей американской элиты, обслуживающими ее интересы представителями академического, журналистского сообществ и большинством американцев среднего класса вызвали у истеблишмента чувство политического страха за свое будущее.

«Страх по-американски» К. Робин называет и воплощением либерализма, и отступлением от него. Он пишет: «Политический страх, основанный на наших конституционных установлениях, является и союзником американского либерализма, и его врагом, поскольку подрывает стремление нации к свободе и равенству. Именно наша продиктованная либерализмом приверженность ограничению полномочий государства и плюралистическому гражданскому обществу мешает нам увидеть эту двойственность. ...во времена холодной войны или в условиях борьбы с терроризмом страх подрывает либеральные представления о свободе и равенстве, питает самые реваншистские, консервативные силы в политической жизни Америки» [Робин 2007: 303-304]. Отметим важнейший вывод, который делает автор: «страх не может являться основанием для нравственной или политической аргументации» [Робин 2007: 303].

Есть ли реальные причины страха Запада перед Россией?

Начиная с речи В. Путина на Мюнхенской конференции, Россия стала последовательно и принципиально выступать на мировой арене за суверенную государственность, против внешнего вмешательства во внутренние дела других государств, против практики навязывания ценностей и рецептов государственного устройства, монополии на установление правил мировой торговли, международных отношений в целом, а также информационной монополии США и европейских медиакорпораций.

Предоставление Россией политического убежища Э. Сноудену, передавшему в СМИ секретные американские документы, стало личным оскорблением для президента Б. Обамы. Это была открытая и осознанная демонстрация всему миру того, что Россия относится к небольшому числу стран, способных без малейшего страха противостоять Соединенным Штатам, не допуская их вседозволенности в международных отношениях.

¹ Ibid.

² Confidence in U.S. Institutions Still Below Historical Norms. URL: http://www.gallup.com/poll/183593/confidence-institutions-below-historical-norms.aspx?utm_source=Politics&utm_medium=newsfeed&utm_campaign=tiles (accessed 26.01.2017).

Начатая в ответ антироссийская кампания приобрела беспрецедентный по масштабу и многосторонности практически тотальный характер. Почти повсеместное превращение России в объект враждебной пропаганды подтвердило наличие непреходящего страха Запада перед Россией и еще более усилило в западном общественном сознании неприязненное отношение к россиянам, а для значительной части населения сформировало малопривлекательный образ русского человека как агрессивного варвара. Представляется справедливым утверждение депутата норвежского стортинга С. Эрнхей, что страх перед русскими на Западе является перманентным политическим фактором¹.

Действительно ли наше государство является «врагом рода человеческого» (империя зла), угрожает спокойствию и независимости государств цивилизованного мира и нацелено против прогресса человечества и свободы?

Изучение содержания антироссийской пропаганды нескольких последних лет дает основания для вычленения основных причин не только сохранения, но и периодически возрастающего чувства страха перед Россией. В частности, эти причины пытаются извлечь из объективно существующих фактов. К ним относятся:

– наличие ядерного арсенала и рост современной военной мощи Российского государства, превосходство по силам любого потенциального агрессора;

– самая большая и хорошо расположенная территория в мире, обладание ресурсами, дающими возможность самообеспечения и существования вне зависимости от импортного снабжения и от любых враждебных санкций;

– сила духа народа, его непобедимость;

– ценности российской цивилизации, определяющие содержание цивилизационного кода России;

– приверженность к восстановлению традиционных ценностей, формированию нравственно ориентированного социума, количественный и качественный рост православной идентичности россиян;

– способность генерировать привлекательные идеи для справедливого мироустройства и быть объединяющим народом.

Интерпретация этих объективных характеристик в заведомо антироссийском ключе порождает искусственные фантазии Запада об агрессивных устремлениях России, недоверие, страх и ненависть западных политических элит. В результате русофобские настроения проявляются в двух векторах – политическом и бытовом.

Эти и другие причины задают все новые тренды на Западе: увеличение военных расходов, создание новых видов вооружения. В 2016 г. траты на вооружение во всем мире увеличились приблизительно на 1,3%, составив 1,57 трлн долл. США. Причины сложившейся ситуации эксперты видят в терроризме, страхе перед Россией и США при президенте Д. Трампе².

Демонизация России и ее президента генетически проистекает из сложившейся на Западе традиции идеализации своего собственного государства, политического устройства, ценностей и политики. Для сравнения скажем, что в России, в отличие от такого подхода, сложилась многовековая традиция критического отношения к своему отечеству и идеализации западной, особенно американской, модели.

Резюмируя изложенные выше соображения, попытаемся ответить на вопрос,

¹ Эрнхей С. Русофобия. – *Dagsavisen*. Норвегия. Доступ: <http://inosmi.ru/world/20141201/224598358.htm> (проверено 21.01.2017).

² Страх перед Россией задал новый тренд на вооружение. Т-online. Proceed to the page. Доступ: <https://russian.rt.com/inotv/2016-12-12/T-online-Strah-pered-Rossiej-zadal> (проверено 12.01.2017).

сохранятся ли антироссийский контекст и русофобская идеология на Западе после избрания президентом США Д. Трампа?

Во-первых, оптимистические прогнозы об изменении мироустройства и постепенном исчезновении тренда русофобии, появившиеся с победой Д. Трампа, кажутся иллюзорными и необоснованными. На Западе остаются силы, которые не собираются менять русофобскую политику. Возможные институциональные изменения в США и Европе могут изменить ее механизм. Однако и здесь чувство страха перед новым миром без возможностей американского давления на страны, лидеров, СМИ, бизнес и иные силы для собственных целей будет поддерживать антироссийскую политику.

Во-вторых, состояние политического страха имманентно встроено в политический процесс, в недемократических политических системах являясь неперенным атрибутом власти, а в демократических режимах смещаясь на периферию политической жизни, при этом сохраняясь в сфере неполитического, в повседневной жизни.

Список литературы

Бердяев Н. 1993. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. — *О назначении человека*. М.: Республика. 383 с.

Гоббс Т. 1989. О гражданине. — *Сочинения*. В 2 т. М.: Мысль. Т. 1. 627 с.

Жизнь Никколо Макьявелли (сост. Ю.В. Артемьева). 1993. СПб: Лениздат. 414 с.

Касумов Т.К., Гасанова Л.К. 2014. Страхи в жизни и жизнь в страхе. — *Вопросы философии*. № 1. С. 34-45.

Робин К. 2007. *Страх. История политической идеи* (пер. с англ. А. Георгиева, М. Рудакова). М.: Прогресс-Традиция; ИД «Территория будущего». 368 с.

Стейнбек Дж. 2004. *Короткое правление Пупина IV*. М.: Азбука. 224 с.

Хайдеггер М. 2011. *Бытие и время*. М.: Академический Проект. 460 с.

RADIKOV Ivan Vladimirovich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor; Deputy Dean for Education and Methodology of the Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint-Petersburg, Russia, 119034; ivirrad@gmail.com)

POLITICAL FEAR AS A PHENOMENON IN CONTEMPORARY POLITICS

Abstract. The article identifies characteristics of political fear applied as a tool, which western authorities use in policy-making process towards Russia.

Based on fundamental studies of Russian scientists and the most famous works of western scholars, the author analyzes the modern features of political fear manifestations. The article examines political fear as not only the citizens' sense of power, the uncertainty of its decisions, but also as the feelings of the ruling elite towards society. The relevance of the study is determined by the fact that political fear is ambivalent: it can dictate public policy, lead new groups to power, create and abolish laws, perform the role of mobilization, and be a source of political viability.

Most intensively political fear was used as a politic tool by American establishment immediately after the World War II, reaching its peak in the second decade of the 21st century. Panic fear of falling behind and being a victim of «sudden Soviet (now – Russian) strike» has become a feature of American public opinion. At the same time, there are no real reasons for political fear towards Russian state.

It is concluded that the optimistic forecasts that appeared after the victory of D. Trump, to change the world order in the sense of gradual disappearance of the western trend of Russophobia, seem to be illusory and uncertain. In the West, main political elites are not going to change their anti-Russian views.

Keywords: fear, political fear, phobia, pressure, Russophobia